

УДК 34.01
DOI 10.32326/19931778_2024_5_143

КОНЦЕПЦИЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ В ЕВРОПЕЙСКОМ РЕЛИГИОЗНО-ПРАВОВОМ ДИСКУРСЕ ЭПОХИ МОДЕРНА И ПОСТМОДЕРНА

© 2024 г.

Т.Г. Минеева, В.Б. Романовская

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

t.mineeva @yandex.ru

Поступила в редакцию 10.08.2024

В настоящее время актуализировалась тема изучения религиозных идей и истории религий. В учебные планы российских высших учебных заведений вводится обязательная дисциплина «История религий России». Одним из религиозно-правовых аспектов, требующих изучения и современного прочтения, является концепция толерантности. В статье анализируются работы европейских мыслителей, которые впервые поднимали тему религиозной терпимости, – Томаса Мора и Жана Бодена, цитируются наиболее яркие высказывания мыслителей по данной проблеме.

Авторы обращают внимание, что современный взгляд на содержание концепции толерантности значительно расширился и трансформировался от терпимости в сторону взаимного уважения различных религиозных взглядов.

Ключевые слова: политико-правовые идеи, религиозная толерантность, Томас Мор, Жан Боден, «Утопия», «Гептапломерес».

Современный культурный мир постмодерна европейских народов безвозвратно удалился от своих христианских начал. Религиозные дебаты узкого круга специалистов мало заботят среднего европейца, который относится к религии как к некоему анахронизму. В нашей стране вопросы религии, ее истории, влияния на политику, культуру и повседневную жизнь граждан сохраняют свою актуальность. Не случайно в учебные планы вузов вводится курс «История религий России»¹. При всем разнообразии религиозных конфессий и атеистических направлений нравственного развития никто не ставит под сомнение факт, что в России религии являются культурной основой, скрепляющей, а не разделяющей общество на отдельные кластеры. Однако полагаем недостаточным ограничиваться только лишь изучением традиционных для России религий. Их надо рассматривать в контексте вековых культурных, политических, исторических и научных связей с Европой и ее политико-правовой, правовой и религиозной мыслью.

Мы живем в мире, очень сильно отличающемся от того, в котором возникла концепция толерантности как идея, обосновывающая терпимость и «разрешение, данное приверженцами доминирующей религии, на существование других религий, даже если на последние смотрят с неодобрением как на низшие, ошибочные или вредные» [1, с. 5]. Толерантность в противовес религиозной нетерпимости, свойственной

европейскому Средневековью, выглядела как смелая позитивная философская идея. Только в эпоху Возрождения толерантность стала рассматриваться как необходимая основа интеллектуального сообщества [2, с. 308].

По прошествии столетий в условиях культурного пространства Новейшего времени она приобрела новые черты и значимость, способные сформировать новые правила сосуществования, в которых сегодня нуждаются группы, сообщества и народы. Концепция толерантности на момент своего становления (XVI–XVII вв.) ставила своей целью решение религиозного вопроса: как сделать возможным сосуществование нескольких религий в одном государстве? Эта концепция позволила задуматься о религиозном сосуществовании, о политических последствиях и переместила центр тяжести вопроса с религии на политику. Сосуществование религий – это, прежде всего, гражданское сосуществование, предполагающее независимость церкви от государства и признание равного достоинства различных вероисповеданий. Вопрос состоит в том, ограничивается ли концепция толерантности теолого-политическими рамками. Не может ли она позволить построить политическую концепцию сосуществования сообществ или даже народов? Анализируя новые проблемы толерантности сегодня, мы увидим смещение проблемы сосуществования как внутри государств, так и в международных отношениях. Принцип взаимности, присущий концепции толерантно-

сти, позволяет задуматься об условиях сосуществования различных идентичностей, равном достоинстве культур и историй, и т. д. Обратимся к известным трудам некоторых из первооснователей новой доктрины, раскрывающим ход мыслей их авторов, приведших в итоге к рождению доктрины религиозной толерантности. Среди этих людей – Эразм Роттердамский, Томас Мор, Жан Боден, Томас Браун [3, с. 100–102] и др.

Эразм Роттердамский никогда не переставал выражать свои собственное беспокойство перед лицом варварских проявлений нетерпимости и насилия в христианском обществе. Эразм был серьёзно обеспокоен глобальными конфликтами и недоразумениями, а также ссорами внутри самого христианства [4, с. 160].

Сэр Томас Мор считается одним из первых защитников свободы вероисповедания. В 1516 году философ опубликовал «Утопию» – описание идеального общества, основанного на отмене собственности и поиске «добродетельных удовольствий». Книга уже не одно столетие пользуется успехом и изучается гуманитариями, она не утратила своей актуальности и в настоящее время².

«Утопию» Мора называют образцом толерантности, поскольку в ней нет религиозной нетерпимости. Полностью убежденный в том, что торжество ценностей гуманизма поможет ему найти путь к спасению в идеальном обществе, которое он описал, Мор не мог представить себе религиозного разрыва и противоречий больше, чем в Европе. Однако ему все же приходилось «вообразить» объединяющую религию, которая напоминала бы католицизм (сам Томас Мор был глубоко верующим католиком) своими великими заповедями, почитая единого Бога. Поэтому Мор описывает такое качество утопийцев, как глубокая религиозная терпимость к другим верованиям, пока они не ставят под сомнение гегемонию этого объединяющего религиозного духа. На нескольких страницах и в мельчайших подробностях он описывает степень веры утопистов в единого Бога, создателя всего сущего, веру большинства, но не единственную. Сильнейшая религия в Утопии была под его пером уравновешена другими верованиями, меньшими по значению, но принятыми обществом утопийцев.

В «Утопии» Мора религии различаются от города к городу. Если идолопоклонство звёздам, как и эвгемеризм, имеет место в том или ином городе, то это признается личным делом небольшого числа людей. Большинство утопистов поклоняются единому и всемогущему Богу, которого они называют «Отцом». Все жители, «несмотря на разнообразие своих верова-

ний», сходятся в том, что существует «высшее существо, как Творец, так и Провидение», также они верят в то, что душа бессмертна и что от того, мудрая она или злая, будет наслаждаться счастьем или страдать после смерти. Очевидно, что в этой религии мы обнаруживаем сильнейшее влияние христианства. Если не считать откровения самого Христа, которого утопийцы не могли знать, их вера подобна христианской вере. Впрочем, рассказчик-моряк, главный персонаж книги, повествует, что научив утопистов «имени Христа, его учению, его жизни, его чудесам» вызвал энтузиазм, так много было жителей чудесного острова, которые «приняли нашу религию и очистились святой водой крещения».

Эта религиозная свобода, это мирное сосуществование различных верований, допускаемые ради поддержания общественного мира, которому могли бы угрожать религиозные распри, однако, имели предел: атеизм был запрещен, поносился и осуждался. Это ограничение было вызвано и объяснялось условиями времени и глубокой католической верой самого Томаса Мора. В этом вопросе он был неколебим.

В ответ на толерантность, которую Томас Мор проявляет по отношению к религиозному духу, он посвящает одну страницу своего рассказа осуждению «человека, который унижает достоинство своей природы до такой степени, что думает, что душа умирает... и что мир движется случайно, и что нет никакого Промысла». Мор отказывается дать «имя человека» тому, кто, не допуская жизни после смерти, «проглатывает возвышенную природу своей души до гнусного состояния звериного тела». Объединяя императивы морали и политики с заповедями религии, Мор яростно выступает против атеизма. Он считает тех, кто придерживается его, подозрительными и криминализует их: «Кто может сомневаться, – пишет он, – что человек, у которого нет другого тормоза, кроме уголовного кодекса, никакой другой надежды, кроме материи и небытия, превращает в игру умело и тайно уклоняться от законов своей страны или нарушать их силой, при условии удовлетворения своей страсти и своего эгоизма?» И если «в надежде, что их бред наконец уступит место разуму», утописты поощряют этих атеистов совещаться «со священниками и другими серьезными людьми», чтобы те обратили их, то они запрещают им «поддерживать свои принципы среди обычных людей». Даже если в надежде на их обращение, по крайней мере, из духа толерантности, они не приговаривают их «к какому-либо наказанию», они не предоставляют им «никакой чести» или «ни магистратуры, ни об-

пественной функции», низводя их до граждан второго сорта, осуждаемых всеми. «Утопия», несомненно, является крупным и опережающим другие труды произведением в истории политических идей. Более того, выступая за бесклассовое общество, сегодня оно по-прежнему выходит за рамки многих социальных и политических учений. Однако, как мы видим, в рассмотрении религиозного вопроса и отношения к атеизму Томасу Мору, одному из величайших умов эпохи Возрождения, потребовалось бы «еще одно маленькое усилие», чтобы от веротерпимости прийти к свободе совести.

Другой знаковой фигурой на европейской политико-правовой сцене является Жан Боден – юрист, политический теоретик идеи суверенитета. Его перу принадлежат также знаменитая работа «Шесть книг о Республике» и ужасающая современника книга «Демономания». Следует также упомянуть и его неопубликованный при жизни труд «Гептапломерес, беседу семи мудрецов» (*Colloquium heptaplomeres*)³. Работа распространялась тайно, и все государи Европы старались получить копии, даже по высокой цене. Компаративизм сочинения вызывал подозрения, «плохая книга» считалась трактатом об атеизме. Критики тем не менее хотели включить его в каталог трактатов о толерантности [5, с. 83]. Однако в большей степени, чем энциклопедизм, его сочинения прежде всего поднимают важный вопрос о косвенном дискурсе в таком виде: что я заставляю другого говорить, что другой слышит из того, что я говорю; из всех убеждений ни за одним не остается последнее слово, тем не менее каждый имеет право на свободу высказывания, даже в вопросах веры.

Форма диалога, приданная своему произведению Жаном Боденом, выбранная, может быть, для оживления довольно сложной темы, является удобным средством для изложения мыслей собеседника, при этом разговор идет живой и настоящий, у каждого из участников определен характер, представители христианских конфессий изображены истинно верующими, но в то же время протестанты резко выступают против представителя католического Рима, гораздо резче, чем против иудея и мусульманина. Мусульманин Октав более озабочен исследованием, как ислам связан с другими религиями, чем отстаиванием его исключительности; деист Торальба увлечен наукой, но является критиком и мистиком одновременно; а скептик Сенами непочтителен до дерзости и обеспокоен прежде всего тем, как бы религиозные раздоры не привели к массовым убийствам или гражданским войнам. Наконец, иудей Соломон самый любопытный и самый изысканный

из всех, твердый в своей вере, так же влюблен в магию, как и в раввинизм, это комментатор невероятной эрудиции, столь же коварный, сколь и бесстрашный, полуфилософ и полупророк. Подобное возвышение Соломона над остальными собеседниками дало повод Гуго Гроцию обвинить Бодена в скрытом иудаизме [6, XXIV]. Как мы видим, среди собеседников нет атеиста, а сама беседа доказывает, что все религии равны и могут быть соединены в одной общей религии. Несмотря на то, что советские исследователи многократно относили Жана Бодена к атеистам, современные ученые полагают, что можно говорить о том, что он отделил непосредственно божественную сущность от религии, в которой видел творение людей [7, с. 91].

Сэр Томас Браун был, если можно так сказать, популяризатором идеи толерантности. Свою первую книгу «*Pseudodoxia Epidemica*» (1646) Браун посвятил задаче разоблачения устоявшихся в народном сознании предрассудков, причем делает это используя метод научного анализа, родоначальником которого был Бэкон. Последняя книга Брауна, «*Religio Medici*», представляет собой духовное завещание этого интересного мыслителя, который рассуждает о реальности таких устоявшихся христианских мифологем, как врата ада, Страшный суд, воскресение и вечная жизнь. Причем использует он как правдивые такие христианские образы, как Вера, Любовь, Милосердие. Именно они, по мнению Томаса Брауна, должны лежать в основе взаимоотношений людей, к какой бы религии они ни принадлежали.

Любопытно, что изящество литературного слога и оригинальность идей этой небольшой книжечки позволили ей оставаться вплоть до нашего времени востребованной. Можно вспомнить слова Вирджинии Вульф о том, что в «*Religio Medici*» находятся истоки всех будущих исповедей и мемуаров. В то же время известно, что Карл Юнг несколько раз обращался к тексту этого сочинения и использовал его термины в своих трудах [8].

Толерантность в последующие периоды входит как составляющая часть в разные концепции, характеризующие взаимное влияние государственной и церковной политики. Так, например, существует «специфическая современная концепция толерантности» [9, VIII], которая рассматривается в конкретном контексте Реформации и конфессионального распада XVI века, с его ужасными религиозными войнами между католиками и протестантами. Можно сказать, что в этом понимании толерантность была первым шагом к признанию «религиозной свободы» как естественного, субъективного и фунда-

ментального права, закрепленного в декларациях, конституциях и уставах государств и международных организаций. В средневековом каноническом праве Арно де Сольминьяк анализирует, как различие между грехом и преступлением парадоксальным образом устанавливает церковную толерантность, понимаемую в смысле «отказа санкционировать действие, не оспаривая его плохой характер» [10].

Современные исследователи порой различают церковную и гражданскую толерантность, поскольку отказывают христианской церкви в терпимости. Задается вопрос: как и почему Церковь может и должна терпеть различия в вере и практике в той степени, в которой она суверенна внутри себя, то есть по отношению к своему духовенству и своим верующим? Но, прежде всего в концептуальной структуре, специфичной для западного христианского монотеизма [11, с. 98], церковный институт является одновременно гарантом и ответственным за ортодоксальность *vera religio*. Церковная толерантность, напротив, кажется несовместимой с исключительной претензией на религиозную истину и предстает в глазах ее противников и недоброжелателей недостатком, слабостью и равнодушием или, что еще хуже, скрытым безразличием и атеизмом. Другими словами, от Церкви требуется и даже ожидается не толерантность, а нетерпимость.

Вместе с тем католический Ватикан при последнем папе стал намного мягче относиться к проблеме толерантности. В «Словаре католического богословия» упоминается критерий личности: например, неверные, которые не были крещены, как и отступники, еретики и раскольники, находятся вне юрисдикции Церкви, которая не имеет права принуждать их к обращению. Тем не менее ясно, что церковная толерантность сводится на нет, поскольку сразу же предусмотрено исключение из исключения: принуждение становится законным, когда речь идет об обеспечении соблюдения неверными естественного права или даже о сохранении христианских верующих [12].

В настоящее время, безусловно, церковная толерантность практически нивелирована гражданской толерантностью. Однако размышления о том, что значит быть толерантным, актуальны для церковных организаций и религиозных общин, для политиков и социологов. Современное звучание этого термина выходит за рамки синонима терпимости. Цивилизованные участники дискуссий на религиозные темы подчеркивают, что сегодня речь должна идти не просто о терпимости, а об уважении к разным религиям и их представителям. От терпимости к уважению — такой путь прошла религиозно-правовая мысль за половину тысячелетия.

Примечания

1. В Госдуме одобрили обязательное изучение в вузах истории религии // NEWS.ru. 12.03.2024.
2. «Утопия» Томаса Мора цитируется по изданию: Томас Мор. Утопия. Эпиграммы. История Ричарда III. Серия: Литературные памятники. М.: Ладомир, Наука, 1998. 463 с.
3. «Гептапломерес» Жана Бодена цитируется по изданию: Bodin J. *Colloquium heptaplomeres de rerum sublimium arcanis abditis* / Produced by Louise Hope, Carlo Traver/Online Distributed Proofreading Team. URL: <http://www.pgdp.net> (дата обращения: 30.04.2024).

Список литературы

1. Zagorin P. *How the Idea of Religious Toleration Came to the West*. Princeton University Press, 2013. 392 p.
2. Шиманская О.К. Свобода совести в России: история, генезис, современное состояние // Вестник ННГУ. 2001. № 1. С. 308–314.
3. Кузнецов Е.В., Согатеян Г.Ш. Нонконформизм и толерантность в трудах Томаса Брауна // Проблемы английской и валлийской истории в позднее средневековье; Межвузовский сборник научных трудов / Под ред. Е.В. Кузнецова. Арзамас, 1999. С. 100–102.
4. Matula Jh. Erasmus of Rotterdam and his Approach to Tolerance // *International Issue*. 2020. № 8. P. 158–175.
5. Pessel-Markovits F. *Le congrès des religions: Commentaire philosophique du Banquet des sept sages de Jean Bodin (Impression a la demande)* // Hachette: Philosophie Hermann. 2024. 189 p.
6. Berriot F. La fortune du «Colloquium heptaplomeres» // *Colloque entre sept savants qui sont de differenssentimens des secrets cachez des choses relevees: Traduction anonyme du «Colloquium heptaplomeres»* / Ed. F. Berriot. Genève, 1984. 591 p.
7. Эпштейн А.Д. Религиозные сомнения в отсутствии атеизма: истоки и пределы богословского атеизма в Европе от Диагора Мелосского до Пьера Бейля // Вестник МГГУ им. Шолохова. Политическая культура и идеология. 2015. № 3. С. 86–108.
8. Preston C. *Thomas Browne and the Writing of Early Modern Science*. Cambridge: University Press, 2005. 250 p.
9. Zarka Y.Ch., Lessay F., Rogers Jh. (dir.) *La tolérance ou comment coexister: anciens et nouveaux enjeux* // *Les fondements philosophiques de la tolerance*. T. 1. Études – Paris: Presses universitaires de France, 2016. P. V–XVI.
10. Arnaud de Solminihac. Tolérer et Punir. La séparation du péché et du crime est-elle une manifestation de la tolerance ecclésiastique ? // *Théo Rèmes*. 2023. № 19. Tolérer et Punir. La séparation du péché et du crime est-elle une manifestation de la tolérance ecclésiastique ? (openedition.org; дата обращения: 28.04.2024).
11. Assmann J. Le prix du monothéisme // *La Revue Lacanienne*. 2007. № 2. P. 98–102.
12. Serin A. La tolerance ecclésiastique: position et définition d'un concept modern // *Théo Rèmes*. 2023. № 19. La tolérance ecclésiastique: position et définition d'un concept moderne (openedition.org; дата обращения: 28.04.2024).

THE CONCEPT OF TOLERANCE IN THE EUROPEAN RELIGIOUS AND LEGAL DISCOURSE OF THE MODERN AND POSTMODERN ERA

T.G. Mineeva, V.B. Romanovskaya

Currently, the topic of studying religious ideas and the history of religions has been updated. The compulsory discipline History of Religions of Russia is being introduced into the curricula of Russian higher educational institutions. One of the religious and legal aspects that require study and modern interpretation is the concept of tolerance. The article analyzes the works of European thinkers who first raised the topic of religious tolerance by Thomas More and Jean Bodin, and quotes the most striking statements of thinkers on this issue.

The authors draw attention to the fact that the modern view of the content of the concept of tolerance has significantly expanded and transformed from tolerance towards mutual respect for various religious views.

Keywords: political and legal ideas, religious tolerance, Thomas More, Jean Bodin, «Utopia», «Heptaplomeres».

References

1. Zagorin P. How the Idea of Religious Toleration Came to the West. Princeton University Press, 2013. 392 p.
2. Shimanskaya O.K. Freedom of conscience in Russia: history, genesis, modern state // Bulletin of the National University of Economics. 2001. № 1. P. 308–314.
3. Kuznetsov E.V., Saghatelian G.Sh. Nonconformism and tolerance in the writings of Thomas Brown // Problems of English and Welsh history in the late Middle Ages; Interuniversity collection of scientific papers / Edited by E.V. Kuznetsov. Arzamas, 1999. P. 100–102.
4. Matula Jh. Erasmus of Rotterdam and his Approach to Tolerance // International Issue. 2020. № 8. P. 158–175.
5. Pessel-Markovits F. Le congrès des religions: Commentaire philosophique du Banquet des sept sages de Jean Bodin (Impression à la demande) // Hachette: Philosophie Hermann. 2024. 189 p.
6. Berriot F. La fortune du «Colloquium heptaplomeres» // Colloque entre sept savants qui sont de differenssentimens des secrets cachez des choses relevantes: Traduction anonyme du «Colloquium heptaplomeres» / Ed. F. Berriot. Genève, 1984. 591 p.
7. Epstein A.D. Religious doubts in the absence of atheism: the origins and limits of theological atheism in Europe from Diagoras of Melos to Pierre Bayle // Bulletin of the Moscow State University for the Humanities named after Sholokhov. Political culture and ideology. 2015. № 3. P. 86–108.
8. Preston C. Thomas Browne and the Writing of Early Modern Science. Cambridge: University Press, 2005. 250 p.
9. Zarka Y.Ch., Lessay F., Rogers Jh. (dir.) La tolérance comment coexister : anciens et nouveaux enjeux // Les fondements philosophiques de la tolerance. T. 1. Études – Paris: Presses universitaires de France, 2016. P. V–XVI.
10. Arnaud de Solminihac. Tolérer et Punir. La séparation du péché et du crime est-elle une manifestation de la tolérance ecclésiastique ? // Théo Rèmes. 2023. № 19. Tolérer et Punir. La séparation du péché et du crime est-elle une manifestation de la tolérance ecclésiastique ? (openedition.org; date of access: 28.04.2024).
11. Assmann J. Le prix du monothéisme // La Revue Lacanienne. 2007. № 2. P. 98–102.
12. Serin A. La tolerance ecclésiastique: position et définition d'un concept moderne // Théo Rèmes. 2023. № 19. La tolérance ecclésiastique: position et définition d'un concept moderne (openedition.org; date of access: 28.04.2024).